

ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ НА АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Доктор ист. наук Л. С. КИШКИН (Москва)

В пражской газете «Броусек» («Брусек», «Оселок») 9 мая 1877 года появилось краткое сообщение: «Г-н Бог. Гавласа, корреспондент газет «Броусек» и «Политик» на кавказском поле военных действий, вступил добровольцем в Нижегородский драгунский полк, в расположение которого и выехал из Тифлиса в Александрополь 27 апреля»¹. Речь шла о молодом талантливом чешском писателе Богумиле Гавласе. Кто он и чем уже был известен у себя на родине к моменту публикации сообщения?

Богумил Гавласа родился 1 октября 1852 года в м. Баворов (Южная Чехия) в семье сельского лекаря. Учился он в гимназиях Чешских Будейовиц, Йиндржихова Градца и Табора. Но полного курса не окончил и в 1870 году стал актером бродячей труппы, выступавшей тогда в г. Водняны. Некоторое время спустя по совету родных Гавласа оставил ее и поступил в торговое училище (Прага), где проучился год, после чего стал торговым служащим. Однако с детских лет все его помыслы были связаны с литературой.

Еще будучи бродячим актером, он написал новеллу «Из бродячей жизни», в которой нашли отражение его впечатления и наблюдения, связанные с его работой в маленькой передвижной театральной труппе. Эта новелла была опубликована в 1873 г. в единственном в то время литературном чешском журнале «Люмир», во главе которого стоял выдающийся чешский поэт и прозаик Витезслав Галек. В следующем году в том же журнале были опубликованы еще две новеллы. Выплачивая Гавласе гонорар, Галек сказал ему: «У вас, молодой человек, замечательный талант, напишите для нас еще что-нибудь»². Эти слова определили дальнейшую судьбу юноши, он окончательно решил посвятить свою жизнь литературе. Вскоре на страницах чешской печати появляется целый ряд его новых новелл и рассказов («На вокзале», «Бал-маскарад», «Ночлежники», «Письма из шумавских лесов», «Фата моргана» и др.). Все эти произведения имели романтическую окраску и порою были не лишены фантастики.

Оставив службу и став на путь профессионального литератора, Гавласа покинул Прагу и поселился у своих родных в тихом селении Струнковице близ г. Водняны (район Шумавских гор). Там он создает романы «В свите авантюрного короля» (1875) и «Проповедник Ян» (1875), стоящие наряду с произведениями других писателей у истоков чешской исторической прозы. Первый — о событиях, относящихся ко времени правления в Чехии короля Яна Люксембургского (XIV в.), второй — о страстном гуситском проповеднике Яне Желивском (ум. 1422), одном из вождей плебейского крыла гуситского движения. Оба эти произведения обнаружили большие возможности образного

¹ Brousek, 9. V. 1877.

² Цит. по кн.: Jindrich Vesely. O životě a díle Bohumila Havlasy. V Písku, 1927, s. 8.

ийления национального прошлого и восторженный интерес к нему со стороны юного автора, но в то же время они отмечены скорее интуитивно-импровизационным подходом к нему, нежели использованием точных данных истории.

Вспоминая о Гавласе середины 70-х годов прошлого века, современники отмечают его бескомпромиссный, увлекающийся характер, романтическую мечтательность, ненасытный интерес ко всему новому, недовольство чешской культурой и общественной обстановкой, желание познать и увидеть жизнь других славянских народов и помочь им в борьбе за освобождение, готовность к неожиданным и смелым поступкам. По их словам, он имел красивую внешность и, несмотря на постоянную нужду и долги, всегда был элегантно одет. Его выщипанные белокурые волосы и живые синие глаза привлекали внимание.

В 1875 г. вспыхнуло антитурецкое Герцеговинское восстание и Гавласа в качестве корреспондента газеты «Народни листы» немедленно отправился в Герцеговину, где вместе с известным чешским журналистом и писателем Йозефом Голечком провел несколько месяцев. Впоследствии его корреспонденции и рассказы, связанные с пребыванием в Герцеговине, составили целую книгу. После поездки на Балканы, в 1876 г. Гавласа отправляется в Париж, откуда посылает в Прагу ряд очерков и рассказов («Красная розочка», «Об одиннадцати фиакрах», «Диадема Парижа» и др.), затем некоторое время живет в Швейцарии и Баварии.

Вернувшись на родину, он, еще совсем юный, сближается с известными чешскими писателями Яном Нерудой, Адольфом Гейдуком и другими. В это время появляется третий, наиболее популярный роман Гавласы «Тихие воды» (1876) из жизни сельской интеллигенции и дворян Южной Чехии. Прототипом одного из основных персонажей этого произведения доктора Сильвина был отец писателя—доктор Филипп Гавласа, сельский философ-материалист, патриот и республиканец, доставлявший немало хлопот местным властям. Имели своих прототипов и другие герои романа, действие которого происходит в местах, где прошли детские годы Богумила Гавласы. В поле зрения автора «Тихих вод»—сложные взаимоотношения и скрытые переживания героев, их повседневная жизнь, казалось бы спокойная, но лишь на первый взгляд. Роман населяют характеры, подобные, по словам самого Гавласы, «тихим водам», «характеры, которые молчат, когда бунтуют, они—тихие глубокие воды, но это обманчиво... это характеры, которые делают нас робкими своей откровенностью...» На романе сказалось знакомство Гавласы с современной ему французской беллетристикой. В своем отклике на «Тихие воды», отмечая мастерство их автора, Ян Неруда, крупнейший чешский писатель-реалист второй половины XIX в., писал: «Гавласа очень молод и наша литература может ожидать от него очень многого»³. В этом отзыве говорится, что Гавласа внял словам своего первого литературного наставника Витезслава Галска: «Не дай мне, боже, стать обыденным»⁴.

От Гавласы многого ожидали, но времени для полного раскрытия своих литературных сил ему, к сожалению, было отведено мало. Не находя в Чехии условий для существования и литературной работы и предчувствуя неизбежность русско-турецкой войны, он стал гото-

³ Цит. по кн.: Miloslav Novotný. Nižgorodský dragón Bohumil Havlasa. Praha, 1941, s. 155.

⁴ Ibidem.

виться к отъезду в Россию для непосредственного участия в надвигавшейся войне в качестве корреспондента, что давало бы заработок, а также—добровольца русской армии. В этом он видел и проявление славянского единства, и свою реальную помощь южным славянам в их освободительной борьбе. Весной 1877 г. при встрече на Вацлавской площади в Праге со своим товарищем Йозефом Тоужимским, врачом и литератором, Гавласа сказал ему: «Я был при начале в Герцегвинне, должен увидеть и конец. Буду воевать, как всякий другой, всегда лучше быть впереди, чем позади...» В той же беседе Гавласа высказал мысль: «Или погибну, или вернусь обогащенный таким опытом, какого наверно нет ни у одного из живущих писателей».

Слова эти Гавласа повторил Тоужимскому несколько раз. На его вопрос «Кем ты хочешь там стать?» Гавласа заметил: «Солдатом простым солдатом». А когда Тоужимский затем спросил: «Какой полк имеешь в виду?», то получил ответ: «Кавалерию, кавказских драгун в Адрианополе. Они раньше всех будут за границей и пойдут по Армении». Трудно было представить Тоужимскому изысканного, стройного и хрупкого, модно одетого, с безукоризненным галстуком, и к тому же близорукую юношу (Гавласа носил пенсне) драгуном «в тяжелых сапогах, привыкшим ко всем превратностям

жизни, к жаре, морозу, дождю, пыли, жажде и голоду»⁵. Но решение Гавласа было твердым. В те же дни, придя проститься к Йозефу Голечку, он сказал ему: «Как чех, я добьюсь того, чтобы русский военачальник, будь он кто угодно, направил меня в часть...»⁶ Вскоре состоялся отъезд молодого писателя в Россию. На его проводы в Струнковице приезжали писатели Ян Неруда и Франтишек Геритес, Отокар Мокрый, известные младочешские деятели, издатели и журналисты братья Юлиус и Эдуард Грегры, что само по себе говорит о многом. При прощании Гавласа сказал провожавшим: «Не могу иначе! Хочу принести жертву страдающим братьям, хочу обогатить свой жизненный опыт для дальнейшей деятельности»⁷.

24 апреля 1877 г., в день объявления Россией войны Турции Гавласа уже был в Симферополе, а через три дня, как мы уже знаем, отправился из Грузии в Армению, в находившийся тогда в Александрополе Нижегородский драгунский полк, куда и был зачислен добровольцем. О том, как нелегко было Гавласе входить в военную жизнь, мы узнаём из письма его земляка, чешского капельмейстера грузинского полка, отправленного из Дилижана 31 марта 1878 г., которое было опубликовано в пражском журнале «Светозор». «В прошлом году в мае месяце под Карсом,—говорится в нем,—в мою палатку

⁵ Josef Taužimský. Upomínka na Bohuslava Havlasu.—In: Zlata Praha, 1886, s. 634.

⁶ Josef Holeček. Pero. Sv. III, 1924, s. 192.

⁷ Rehor Krbeček. K 50. výročí úmrtí spisovatele Bohumila Havlasy.—Český deník (Pízen), 27. VIII. 1927.

зашел г-н Богумил Гавласа и представился мне как чешский писатель и репортер... Г-н Гавласа вступил добровольцем в Нижегородский драгунский полк, находившийся тогда у деревни Енгикев*, где нижегородцы прежде всего стали учить его езде на коне. Бедный Богумил целый день мучился на коне, за несколько дней его уже нельзя было узнать, лицо его под солнцем загорело так, что пенсне уже не шло ему»⁸.

О непродолжительном (всего несколько месяцев) пребывании Гавласы в русской армии теперь нас скупо информируют лишь несколько уцелевших его писем к родным и знакомым и три репортажа о военных действиях на Кавказе, которые были опубликованы в свое время в Праге. В первом письме к матери (из Визенкефа у Карса от 6 мая 1877 г.) он писал: «Милая матушка! Я нахожусь в Азии, в пустынной местности на высоте 1000 м над морем. Здесь холодно. Постоянно идет дождь, и еще снег лежит вокруг на горах. Жилища здешних обитателей находятся в скалах... Русскими офицерами в походе я был принят наилучшим образом, они очень милые люди... Думаю, что долго стоять не будем и пойдем дальше к Эрзеруму, где теплее... За Эрзерумом будет даже жарко... Я при штабе, не бойтесь за меня. Будьте здоровы»⁹.

Из немногих других писем, адресованных к товарищам и знакомым, можно узнать, что через три месяца службы Гавласа был произведен в унтер-офицеры и за битву 13 августа у горы Кизилтаба был представлен к Георгиевскому кресту. В одном письме Гавласы есть любопытное замечание о том, что он прочел в «Московских ведомостях» перепечатку одного из своих опубликованных в Праге репортажей, где его называют «специальным корреспондентом». Комментируется это событие в письме так: «Кичатся своим специальным корреспондентом, однако гонораров специальный корреспондент не получает»¹⁰. Содержание, которое полагалось Гавласе как добровольцу, было невелико, и он постоянно испытывал нехватку средств. Его надежды на постоянный и прочный заработок не оправдались. В своих письмах он спрашивает, вышла ли в Праге его новелла «Жирафа и я», сообщает, что узнал о переводе своего романа «Тихие воды» на польский язык. В одном письме говорит о том, что находится в окружении вольноопределяющихся, русских и грузинских князей, и это его совсем не радует. Ему больше нравилось общение с нетитулованными товарищами по полку, которых он называет «очень приятными». Есть в письмах и известие о том, что однажды, упав с коня, Гавласа сильно повредил себе ребро.

Три репортажа, посланные Гавласой в Прагу с арены военных действий из Армении, называются «Бой у Визина» (отправлен 26 июня 1877 г.), «Бой у Кизилтабы» (отправлен 14 августа) и «Победа у Аладжи» (отправлен 16 октября). Все они были опубликованы в газете «Броусек» (соответственно в №№ 169, 215 и 264 за 20 июля, 16 сентября, 8 и 9 ноября 1877 г.) и потом перепечатывались в других изданиях. В них подробно описаны неудачные сражения у Визина (название деревни) и Кизилтабы и полное поражение Мухтар-паши

*Здесь и далее географические названия сохраняются в том виде, в каком они приведены в чешских источниках.

⁸ *Dopis českého kopelníka z Deličanu v Zakavkazi z 31. III. 1878.* — *Světozor*. 1878, s. 230.

⁹ Цит. по кн.: *Miloslav Novotný. Nižгородsky dragon Bohumil Havlasa*, s. 176.

¹⁰ *Ibidem*, s. 192.

на склонах горного массива Аладжи, когда его армия была почти окружена, понесла большие потери, и лишь ее малые остатки отшли к Карсу. Репортажи Гавласы представляют исторический интерес. В них описаны боевые маневры русских войск, ход сражений, названия участвовавшие в них части, отмечены те, которые особо отличились в боях. Так например, среди частей, сражавшихся у Визина, составлявших в общей сложности 17.000 человек, названы нижегородские и северные драгуны, казачьи батареи, два полка волжских казаков, грузинское войско и дагестанцы, а также гренадерская дивизия, состоявшая из тифлиского, грузинского, ереванского и мингрельского полков. В описании битвы у Аладжи, начавшейся в ночь с 14 на 15 октября в 3 часа утра и закончившейся в 8 вечера, Гавласа подчеркивает особый вклад «ереванцев» в общую победу. Он пишет, как отважные роты ереванского полка твердым шагом шли к горе, откуда летели тучи турецких пуль. Решающая роль в окружении турок принадлежала, как отмечает Гавласа, частям генерала Лазарева.

В своих письмах и репортажах Гавласа восхищается несравненной боеспособностью русской армии и мужеством ее солдат. «Русское войско—отличное», «русский солдат вообще не отступает без приказа», «русские не умеют отступать»,—писал он в своих репортажах. Под влиянием сочувствия к солдатам строки из первого репортажа Гавласы: «Пехота, голодная, лишенная воды, утомленная жарой, с ранцами на плечах после длительного перехода (мы вышли в 3 часа утра, а бой начался в 4-е дня) шла вперед на неподъемные вершины под дождем гранат и пулеметных пуль, чтобы взять укрепленные турецкие позиции!»¹¹. А вот характеристика состояния русских частей перед крупным сражением у Аладжи и Авлиара: «Все войско было в готовности... Сомнений не было ни у кого, на всех лицах царил молчаливая, сосредоточенная решительность, я бы сказал уверенность в успехе, опыт научил нас полагаться на свои собственные силы и оценивать возможности неприятеля. Всюду были спокойствие и решимость сразиться в последнем бою. Я говорил с солдатами и все они как один отвечали: «Либо так, либо эдак, ваше благородие, что бог пошлет, мы все пойдем, до последнего, пусть погибнем мы или они. Дальше отсиживаться нельзя...» Так думало войско»¹².

Будучи в Армении, Гавласа находился среди военных. Его жизнь в основном протекала в полевых бивуаках. О местном населении он узнал немного, хотя и отмечал его крайнюю бедность. Посвятив свое перо прежде всего репортерскому описанию боевых действий, он не переставал быть художником. Иногда в его репортажи проникали зарисовки армянских пейзажей. Вот как, например, закончил он свой второй репортаж: «Луна плыла по небу, когда начинался бой, и та же луна поднималась над горами, золотя ледяную вершину Арарата, когда мы оставили наши позиции»¹³. Таких кратких зарисовок природы и рельефа местности в его репортажах не так много, но они есть.

Репортаж «Победа у Аладжи» был последним в жизни Гавласы. После его публикации в Чехии долго ничего не знали о «нижегородском драгуне» (так подписывал он свои письма). 13 февраля 1878 г. газета «Народни листы» поместила заметку, в которой говорилось, что после битвы у Аладжи от Гавласы нет вестей и что редакция журнала «Светозор» обратилась к русскому посольству в Вене с просьбой

¹¹ Bohumil Havlasa. Boj u Vizina.—Brousek, 20. VII. 1877, cis. 169.

¹² B. Havlasa. Vítězství u Aladžé.—Brousek, 8 a 9. XI. 1877, cis. 264.

¹³ B. Havlasa. Boj u Kisiltaby.—Brousek, 16. IX. 1877, cis. 219.

выяснить его судьбу—жив он или пал в бою. 21 февраля в той же газете было еще одно сообщение, что Гавласа ранен и отправлен в Александрополь, однако посланные ему письма вернулись, не найдя адресата.

Все прояснило письмо из редакции газеты «Голос» (от 22 марта 1878), куда обращался с запросом об исчезновении писателя его брат, Квило Гавласа, подписанное секретарем редакции В. Лотовым. В нем сообщалось, что в октябре 1877 г. заболевший тифом унтер-офицер Нижегородского драгунского полка Богумил Гавласа (о ранении в письме ничего не говорится) действительно был доставлен в Александропольский госпиталь, где он и умер 25 ноября 1877 г. Так по существу в самом начале прервался жизненный и творческий путь Гавласы. Известие о его смерти ошеломило чешскую литературную общественность. На смерть писателя вдали от родины откликнулись видные чешские поэты и писатели.

Первым отозвавшимся на кончину Гавласы был Ян Неруда, поместивший в журнале «Гумористичке листы» его некролог. Здесь говорилось: «Он был так молод, так молод. То, что в писательских и журналистских кругах долго предполагали, оказалось правдой: Гавласа похоронен где-то под буйным дерном прекрасной армянской земли...

Гавласа лишь появился в литературе, и уже все взоры были обращены к нему. Все, кого тревожит судьба чешской литературы, интересовались им. Его несомненно романтический талант был отмечен полетом свободно роящихся мыслей, легкой концептуальностью нового направления. Он был подобен ясному источнику света, сила которого быстро возрастала...

Где-то в прекрасной Армении теперь его могила. Она ничем не отмечена. На могилу Гавласы никто не положит венков, никогда около нее не загорится лампада, не склонится перед ней ни одно колено... Только красные кораллы наших воспоминаний украсят его саркофаг»¹⁴.

Сватоплук Чех, автор известной поэмы «Песни раба», написал большое стихотворение «На смерть Гавласы», содержащее строки:

Ты был одним из тех, кому сжимала грудь
цепь чешских гор, как рабские оковы,
кому тоскливо дома, где схватило все
беспамятство и мрак, как тяжкий мор.
Ты жить хотел, но не как Феак,
чей жизненный удел—насытить брюхо,
не как скотина, что с ярмом на шее,
чья мера жизни—счет пахотных борозд.
Ты жить хотел, как должно сыну человека,
и по земле ходить как вольный пахарь,
а мысли в голове твоей, как жемчуга сверкая,
филлистерству любому шли наперекор¹⁵.

А известный поэт Йозеф Сладек, редактор журнала «Люмир», в котором дебютировал Гавласа, посвятил безвременно погибшему элегию «Памяти Богумила Гавласы». В ней говорится:

Ты молодым хотел уйти...
еще непознанный, в непознанной чужбине,
без близких и друзей, вокруг лишь холод,

¹⁴ Jan Neruda. Podobizny. D. I. Praha, 1951, s. 72.

¹⁵ Svatopluk Cech. Basně. Praha, 1960, s. 147.

а в душе скитальческой последняя мечта
о родине и материнской ласке—
так умер юным ты!
Душа твоя покоя никогда не знала;
ты был одним из нас,
кому покоя нет,
кого ломает смерть, но не сломило время¹⁶.

Прощальные слова выдающихся представителей чешской литературы, ее классиков—свидетельство литературной и общественной значительности личности Богумила Гавласы, трагическая судьба которого взволновала всю Чехию. Это тем более показательно, что умершему в Армении писателю было всего 25 лет. Не было в Чехии сколько-нибудь значительного издания, в котором в 1878 г. не появилось бы статьи о нем. Это и «Освета», и «Злата Прага», и «Светозор», и «Народни листы», и другие.

За свои немногие творческие годы (1873—1877) он проявил себя очень многогранно—и как многообещающий мастер исторических романов, и как талантливый автор юмористических миниатюр, и как способный очеркист, и, наконец, как незаурядный прозаик в целом, способствовавший поднятию на новый уровень чешского социально-общественного романа. Объем написанного Гавласой за четыре года поразительно велик. Помимо уже упоминавшихся произведений, посмертно были изданы еще его роман «Дракон» (о Боснийском восстании), биографический роман «Пери», новелла «Жирафа и я», очерки «Навстречу розам», «В Саганлыке» и др.

Интерес к творчеству Гавласы и его личности сохранялся в Чехии долго, особенно сильно он проявился в конце 1920-х годов. Тогда была торжественно открыта мемориальная доска в Баворове, где он родился, тогда же было издано десяти томное собрание его сочинений и были проведены посвященные памяти писателя юбилейные торжества. Не забыт Богумил Гавласа и в наши дни. О нем говорится на страницах «Истории чешской литературы», его творческая биография отражена в Словаре чешских писателей.

Среди множества статей и заметок о Богумиле Гавласе, появившихся в 1878 г., было и такое маленькое сообщение в журнале «Светозор»: «Общество чешских журналистов обратилось в Москву к господину Аксакову с просьбой помочь найти могилу Гавласы, чтобы на ней мог быть установлен памятный камень»¹⁷. Здесь, несомненно, имеется в виду поэт и публицист Иван Сергеевич Аксаков, организовавший в 1877—1878 гг. кампанию в поддержку южных славян. Его отец и брат к тому времени уже умерли. Мы не знаем, где и как был похоронен Гавласа, в братской могиле или отдельно, не знаем, было ли найдено место его захоронения в 1870-е годы и был ли установлен на нем памятник. Нет у нас сведений и том, сохранились ли и известны ли в Ленинке (бывшем Александрополе) места захоронения погибших от болезней и ранений участников русско-турецкой войны. Это могли бы, наверно, выяснить местные краеведы и литераторы. Думается, такие разыскания следовало бы провести. Ведь имя Богумила Гавласы принадлежит не только истории чешской литературы, оно к тому же одно из достойных памяти звеньев чешско-русских и чешско-армянских отношений.

¹⁶ Josef Václav Sládek. Památce Bohumila Havlasy. —Lumír. 1878, čís. 11.

¹⁷ Světozor. 1878, s. 230.

ԶԵՆ ԳՐԱՂԸ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀՈՂՈՒՄ

Պատմ. գիտ. դոկտոր Լ. Ս. ԿԻՇԿԻՆ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ու մ

Հողավածը նվիրված է շեխ գրող Բոհումիր Հավլասույի (1852—1877)՝ ուս-թուրքական պատերազմի կամավոր մասնակցի կյանքին և ստեղծագործությանը: Գրողը կոչվել է ուսական բանակի շարքերում Հայաստանի տերիտորիայում և վարիճանվել է Ալեքսանդրապոլ քաղաքում (այժմ կենդանական), 1877 թ. նոյեմբերին:

Մինչ այդ իր հայտնիքում Հավլասույի հայտնի էր որպես մի շարք պատմվածքների և 3 լեկների («Արկածախնդիր թաղավորի շրթամբում», «Բարոդիչ Յանը», «Հանդարտ ջրեր») երիտասարդ և տաղանդավոր հեղինակ: 1875 թ. հերցեգովինյան հակաթուրքական ապստամբության ժամանակ նա, որպես շեխական «նարոդնի լիստի» թերթի թղթակից, լինում է Բալկաններում, այնուհետև, 1876 թ. իր թղթակցությունները և պատմվածքները Պրագա էր ուղարկում Փարիզից: Լինելով Պրագայի «Բրոդոսեկ» թերթի ռազմական թղթակիցը, նիժեգորոդյան դրագունական գնդի ենթասպա Հավլասույի 1877 թ. Հայաստանից Չիխիա թղթակցություններ է ուղարկում թուրքական դորքերի դեմ ուսական բանակի վարած մարտերի մասին (Վիդինի, Կըզլթափայի, Ալաջայի մոտ):

Բոհումիր Հավլասույի անունը պատկանում է ոչ միայն շեխ զրականության պատմությանը, այլ նաև շեխ-ուսական և շեխ-հայկական հարաբերությունների օղակներից մեկին է: